

зияциях, смешивают различные проблемы, увлекаются дилеммой «или—или». Р. А. Будагов призывает лингвистов «строго различать новое и модное». Новое — это все то, что действительно движет науку вперед. Модное — это все то, что механически и бездумно копирует другие науки и другие термины, не считаясь с тем, насколько подобное подражание полезно для самой науки о языке» (с. 259). В этой связи необходимо было бы, как нам кажется, одновременно призвать лингвистов к осторожности в отношении того или иного направления исследовательской мысли к разряду нового или модного. В некоторых случаях, как это наглядно показано в рецензируемой книге (см. также [4]), эта грань бесспорна, в других же существует опасность, обозначив рождающееся направление как «модное», не увидеть в нем того нового, что не всегда лежит на поверхности, особенно на ранних стадиях разработки. Поскольку нет четких критериев оценки по шкале «новое — модное» и необходимо определенное время, нередко длительное, чтобы понять, действительно ли каждое вновь формирующееся направление движет науку вперед или является тормозом на пути ее дальнейшего развития, в этом случае трудно избежать некоторых субъективных оценок. Данную

сторону вопроса, возможно, следовало бы специально оговорить.

Книга Р. А. Будагова «Язык — реальность — язык» — это страстный призыв к чувству ответственности ученых-филологов за чистоту марксистско-ленинской методологии в исследованиях о языке, это пример глубочайшей эрудиции автора и владения богатым и разнообразным материалом из самых разных областей знания. В книге подняты важные теоретические проблемы, она открывает широкие перспективы новых научных исследований.

Репина Т. А.

ЛИТЕРАТУРА

1. Панфилов В. З. Философские проблемы языкознания. М., 1977, с. 6—7.
2. Репина Т. А. Артикль и типологическая характеристика языка (на романском материале). — В кн.: Теория языка, методы его исследования и преподавания. К 100-летию со дня рождения Льва Владимировича Щербы. Л., 1981.
3. Будагов Р. А. Литературные языки и языковые стили. М., 1967.
4. Катагощина Н. А. О языке лингвистических диссертаций. — ВЯ, 1981, № 6.

Памятники южновеликорусского наречия. Таможенные книги. — М.: Наука, 1982. 345 с.

Издание таможенных книг, подготовленное С. И. Котковым и Н. С. Котковой, продолжает публикацию старинных деловых документов, написанных на южновеликорусской территории, начатую изданием отказных книг (см. [1]). Значение нового издания трудно переоценить: для историков русского языка — это значительное пополнение знаний и представлений о южновеликорусской диалектной области определенного периода ее исторического развития, об особенностях и чертах южновеликорусской речи, как она отразилась в письменности, наконец, о характере делового письменного русского языка данной эпохи.

Вместе с тем важно отметить и то обстоятельство, что, в отличие от отказных книг, содержание которых отражает отношения в сфере хозяйства, опубликованные теперь таможенные книги связаны со сферой торговли, а это является немаловажным фактом, если учесть, что последние относятся к XVII в., когда шло образование всероссийского рынка. В. И. Ленин писал: «Только новый период русской истории (примерно с 17 века) характеризуется действительно фактическим слиянием всех... областей, земель и княжеств в одно целое. Слияние это... вызывалось усиливающимся обменом между областями, постепенно

растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок» [2]. Этот процесс концентрирования, усиливающегося обмена, развития товарообращения широко отражается в таможенных книгах, в содержащихся в них сведениях о местах, откуда поступали товары на тот или иной рынок, о характере этих товаров, о названиях торговых людей и других участниках торговли по тем городам или селениям, откуда они приезжали или уроженцами которых были. Все эти сведения, которые можно почерпнуть из текстов таможенных книг, представляют значительный интерес для историков общественно-экономической жизни России, точнее — ее южновеликорусских областей, ибо делают наглядным процесс образования всероссийского рынка через концентрацию обширных региональных рынков. Так, по данным курских таможенных книг четко прослеживаются торговые связи Курска на обширных пространствах — от южных границ до Ярославля. Большого и от западных границ до Волги, на северные области Украины и на восток Белоруссии; в Курск приезжали торговать из Алексина, Арзамаса, Болхова, Боровска, Можайска, Москвы, Муромы, Нижнего Новгорода, Ростова, Серпухова, Скопина, Суздали, Тулы, Углича,

Ярославля и других городов, с низовьев Дона и с Волги, здесь были и «иноземцы», называемые литвинами: с Украины и из Белоруссии, а также «немчины». В торговле с Воронежем участвовали приезжие из Белгорода, Ельца, Зарайска, Калуги, Коломны, Михайлова, Москвы, Переславля-Рязанского, Рязька, Рязани, Тулы, Шацка и др., с Белгородом и Орлом торговали Украина и Белоруссия и основная южновеликорусская территория и т. д. Особенно важно при этом подчеркнуть то, что в это время существовала тесная экономическая связь южновеликорусов с Москвой, через которую осуществлялись торговые сношения их с северновеликорусской областью. Судя по данным опубликованных ранее таможенных книг Московского государства XVII в. (М.— Л., 1950—1951) и рецензируемого издания, непосредственные связи северян и южан были весьма слабыми. Как видно, процесс образования всероссийского рынка шел таким образом, что в Европейской России складывались северный и южный региональные рынки, а Москва с прилегающими к ней городами, где региональный рынок образовывался раньше других, объединяла северный и южный рынки, возглавляя образование общего российского рынка.

Содержание опубликованных южных таможенных книг дает возможность представить и тот состав товаров, который привозился на рынок из разных мест и который определял складывавшуюся в XVII в. хозяйственную специализацию того или иного экономического района. Так, можно установить, что в Курск из Тулы, Ельца и Черновца поступали железо, сталь и металлические изделия, из Ельца — сохи, из Калуги, Мценска и Орла — соль, из западных лесных районов — деготь, из порубежных русских городов, с Украины и из Белоруссии — ткани и шубы, из Болхова и Калуги — обувь, из Брянска растительное масло и т. д. В самом Курске торговали москателью, воском и очень широко — лошадьми. Все эти сведения также имеют большое значение для изучения истории экономической жизни России.

В этом же плане интерес представляют и сведения о системе пошлинных сборов в торговле того времени. Пошлины взимались и с продавцов — по предъявлению ими товаров, привезенных для продажи, и с покупателей — по предъявлению суммы имеющихся у них денег; пошлины взимались за взвешивание товаров, за клеймение лошадей, с «шерсти» (при покупке лошадей) и т. д. Все эти пошлины регистрировались в таможенных книгах. Вместе с тем деятельность таможен была связана еще и с ведением питейных дел в кабаках и с регистрацией «явок» населения о курении вина и варении пива. Все таможенные сборы с питейными доходами в меньшей их части шли на содержание местных учреждений и на иные местные расходы, а в большей — передавались в государственную казну. И эти расходы регистрировались в таможенных книгах.

Таким образом, таможенные книги дают историкам общественно-экономической жизни России много таких фактов, которые трудно обнаружить в других исторических источниках, и в этом значение рецензируемого издания, позволившего получить эти факты: доступ к сохранившимся рукописным источникам, как известно, весьма затруднителен.

Охарактеризованное содержание таможенных книг представляет много новых и интересных фактов и для историка русского языка, прежде всего — изучающего историю его лексического состава. Несмотря на то, что сами таможенные записи не только достаточно лаконичны, но и во многом однообразны и зачастую включают в себя повторяющиеся формулировки и обороты (хотя, надо сказать, что манера таможенных записей в разных городах оказывается нередко очень различной), в них можно обнаружить чрезвычайно дифференцированную лексику, обозначающую предметы продажи и особенности или приметы тех или иных товаров. Историк-лексиколог без труда может установить целые ряды тематически связанных слов, относящихся к названиям предметов и их особенностей. Так, например, разнообразный лексический материал представлен в обозначении мастей лошадей. Ср.: мерин *мухорт*, *каур*, *кар*, *рыж*, *игрень*, *в каракуле гнед*, *бур в каракуле*; *конь сер*, *белоног*, *голуб*, *рыж*, *булан*, *бур*, *в каракуле гнед*, *в гнеде пег*; *кобыла игреня*, *каракула*, *в гриве чубара*, *в каракуле*, *мухорта в гнезде*, *свигожелиза* и т. д. Или приметы лошадей: *звездочел* или *во лбу звездочелина*, *в ноге волкодерезина*, *железница ожегана на лопатке*, *на глазу скороглазина*, *на губе белекно*, *ногою улоговат*, *пятно крюком*, *во лбу чалинка*, *ногами косолопа* и т. д. Или названия товаров: *щепетинный*, *москательный*, *мокотинный*, *сукок: алленое (льняное)*, *настрафильное*, *определение вин: неавленое*, *вымочное*, *бездокадное* и т. д.

В этом плане для лингвиста большой интерес представляют слова-названия жителей тех или иных городов, значительно отличающиеся от современных. В большинстве своем это образования с суф. *-енин* и *-ец* от названий городов и селений. Так, с суф. *-енин*: *курченин*, *брянченин*, *осколенин*, *орленин*, *туленин*, *рыленин*, *дорогобуженин*, *калууженин*, *ельченин*, *валуйченин*, *севченин* и даже *волженин*, *гзченин*, *черкашенин*; с суф. *-ец*: *суздалец*, *белогородец*, *ливенец*, *путылец*, *муромец*, *переславец*, *кашилец*, *новгородец*, *ростовец*, *нижегородец* и т. д. Вместе с тем редок суф. *-анин*: *болховитин* (хотя есть и *болховец*), *серпуховитин*, *козлитин*, *можмачин*, *шатчанин* и как вариант к *курченин* — *курчанин*. Также редок и суф. *-итин*: *болховитин* (хотя есть и *болховец*), *серпуховитин*, *козлитин*, *можмачин*; и совершенно единичны *-етин* (*коломнетин*) и *-ейтин* (*можейтин*). Как видно, становление современных названий жителей должно быть отнесено к более позднему времени или к другим территориям распространения русского языка. Во всяком случае, для русской исторической лексикологии

здесь есть материал для изучения и размышления.

Издатели во введении к книге отмечают, что лексическое наполнение приходных и расходных записей «едва ли не во всем составе, начиная с названий таможенных сборов и кончая наименованиями конских мастей...», являлось бесспорной принадлежностью народной, а частью и диалектной речи» (стр. 6). Если учесть, что в публикацию включены документы таможен Белгорода, Воронежа, Ельца, Курска, Орла и Старого Оскола (основное место занимают курские таможенные книги, затем Елецкие, Воронежские и Белгородские), т. е. достаточно компактной основной южновеликорусской территории, относящиеся к первой половине XVII в. (последние записи относятся к 1652 году — к сентябрю по Орлу и Старому Осколу и декабрю по Белгороду), то, даже принимая во внимание фактическое отсутствие данных о писцах, можно предполагать достаточноую их однородную диалектную принадлежность. Как видно, вывод о писцах отказных южновеликорусских книг как о местных уроженцах, сделанный на основе изучения текстов этих книг и иных рукописных источников южновеликорусского происхождения (см. [3] и рецензируемое издание), вполне правомерен и для писцов таможенных книг.

С этой точки зрения исследователям лексик, как видно, следует поставить вопрос об отражении в этих документах лексических южновеликорусских диалектизм XVII в., с одной стороны, и общерусских слов — с другой, что возможно сделать путем сравнительного изучения словарного состава памятников различной территориальной принадлежности. Материалов для такого изучения накоплено уже немало.

Особый интерес таможенные книги представляют как источник изучения фонетики и морфологии южновеликорусских говоров XVII в. Правила издания, принятые в публикациях Сектора источниковедения Института русского языка АН СССР, в том числе и в данной публикации, позволяют проводить исследование фонетических и морфологических явлений, не обращаясь к рукописи. Известно, что изучение этих явлений по рукописным источникам, написанным скорописью XVII в., связано с преодолением многих чисто технических или физических трудностей, и это обстоятельство (вместе с труднодоступностью рукописей) обуславливает редкое к ним обращение историков русского языка. Лингвистически точное издание, каким представляется рецензируемая публикация, снимает полностью все эти трудности.

Вопрос об отражении в текстах таможенных книг, в их орфографии фонетических и морфологических особенностей южновеликорусских говоров XVII в., точнее — говоров писцов-южновеликорусов, как и вообще вопрос об отражении явлений живого языка в памятниках письменности, является, как известно, весьма сложным для исследования, требующим осторожного подхода и применения соответствующей методики интер-

претации орфографических фактов. Поэтому в настоящей рецензии целесообразно подробно рассматривать этот вопрос: необходимо серьезное и тщательное изучение текстов с определенной точки зрения. Однако сразу же надо сказать, что тексты дают несомненно многие интересные факты для реконструкции явлений фонетики и морфологии тех живых говоров, которые получили в них отражение. Если обратиться к фонетике, то, например, в области вокализма орфография текстов, с одной стороны, свидетельствует об аканье всех писцов, хотя, с другой стороны, отсутствуют столь же многочисленные примеры отражения аканья в 1-м предударном слоге [по всем текстам проходит, пожалуй, только одно написание *чатыре*, (-я), однако одно оно едва ли что-либо доказывает]. Целесообразно внимательно изучить написание букв после мягких согласных в безударных слогах [где есть ряд необычных написаний, как, например, *мотради* (= *тетради*), требующих интерпретации] для решения вопроса о характере безударного вокализма отраженных в текстах говоров.

Вообще говоря, орфографическая выучка писцов таможенных книг была, как видно, достаточно слабой, и это определило орфографический разноречивый в текстах (именно разноречивый в первую очередь, а не вариативный, хотя последние также имеют место); но в то же время прослеживаются и определенные закономерности, позволяющие судить о явлениях живого языка. В этом плане, например, интересны факты написания *о* на месте орфографического *е* под ударением не только после шипящих (например, *в чом, звездочол, решотка* в белгородских книгах, *жорновы, Нащюкина* — в воронежских, *жолоба* — в елецких), но и после других мягких, что встречается в русской письменности очень редко (ср. с *трох* и *веровка* в старососкольской книге). Любопытен факт отсутствия беглого [е] в форме *леду*, отмеченной в елецких и воронежских книгах: может быть, это действительно живое диалектное явление того времени? В области консонантизма можно отметить фрикативное [г], получившее отражение в написании *х* в конце слов (например, *денех, ботох* — в белгородских книгах, *денях* — в старососкольских), ассимилятивное смягчение заднеязычного [к], тоже довольно редко отражаемое в письменности [например, *кадошка* в елецких книгах, *жеребенкя, сединкя, беленкя, чялинка, два десятка* (все после твердых?) — в курских], и такое же ассимилятивное смягчение [с] перед [j] (например, *сь яблок, сь Якова* в старососкольской книге; между прочим, вероятно, издатели могли бы, исходя из приведенных фактов, смело использовать знак *ь*, а не *h* в передаче написаний в той же книге *ch Якова* и *ch Ермола*), последовательный твердый [м] в числительных *семь* и *восемь* (по всем книгам проходит написание *ъ* после *м* в этих словах) и др. Специального изучения требуют факты, связанные с употреблением и взаимной меной букв *ш* и *щ*, что обнаруживается то последовательно, как

в Белгороде (например, *щеснацат, щесть, башню, нныцнее, рещетка, щерсти* и *наемшику, ужшиа, лишева, у емшика, гуляшей, товариши* и др., при наличии, конечно, и этимологически правильных написаний) и Курске (например, *щерсти, сщибен* и *меновшики, возшин*), то непоследовательно, как в Ворожее. Интерпретация таких написаний как явлений диалектной речи или как явлений орфографических «школ» требует серьезного изучения. Точно так же необходимо изучить и интерпретировать факты взаимной мены букв *у* и *е* в позиции перед согласными (ср., например, *у деу избаз, усево* в белгородских книгах и в *курченина... у Ивашки, в рыленина у Ивашки* — в курских, *е орловского стрелца в Ларки, в козака в Ромашка* — в орловских и др.), написание *г* в форме вин. пад. ед. ч. местоимения *та* (*таге свою кобылу* — только в Курске) и др.

В области морфологии тексты также отражают целый ряд явлений, требующих своего осмысления. Здесь прежде всего обнаруживается вариативность форм, которая должна быть оценена с точки зрения отношения тех или иных вариантов к явлениям живого языка и к сохранению традиций письменности. Например, во всех книгах последовательно сохраняется *-ом* в дат. пад. мн. ч. Когда такое *-ом* оказывается в безударном положении (ср. *к двум изгорком, работником* — в Курске, *работником, человеком* — в Орле, *старцом* — в Старом Осколе, *мастером, работником* — в Ворожее, *работником, плотником* — в Ельце, *целовальником* — в Курске), то для акающего говора подобное написание — лишь традиция (и с этой точки зрения написание *-ам*, как, например, *винокурам, водовозам, извозчикам, ярыгам* — в Ельце, *целовальникам* — в Курске, отражая живое произношение, не свидетельствует о характере морфологической формы). Но как быть с *к двум котлом*, если *-ом* под ударением? Достаточно ли таких редких фактов, чтобы утверждать сохранение в живом языке старой формы дат. мн. ч.? Как относиться к сосуществованию в письменности *на кабабѣхъ* (Старый Оскол), *у деу местех* (Курск) и *на двухъ возахъ, на трехъ возахъ* (Курск)?

Широкая вариативность наблюдается в сочетаниях числительных с существительными. Ср., с одной стороны, *полтара рубля, два рубля, с полтора рубля, полпета рубля, с полпета рубля, полшеста рубля, с полушта рубля* и т. д., а с другой — *полтора рубли, с полтора рубли,*

ли, два рубли, полтретья рубли, с полтретья рубли, полсема рубли и т. д. Это колебание проходит по всем текстам и, конечно, отражает какое-то состояние данного звена морфологической системы. Вообще образование и склонение числительных, как и их сочетаемость с существительными, в текстах таможенных книг представляет значительный интерес для исторической морфологии русского языка. Не меньший интерес вызывает и категория одушевленности. Судя по текстам, в южновеликорусских говорах категория одушевленности в первой половине XVII в. еще не захватила названий животных: сочетания *за тот жеребец, за тот мерин, за тот свои конь* по существу господствуют во всех текстах, тогда как *за того мерина* (Курск) — чрезвычайная редкость. Интерес представляют колебания формы вин. пад. ед. ч. жен. р. местоимения *та*: *за тое кобылу, за таге кобылу* сосуществует с *за ту свою кобылу* (Курск); форм *обоих* и *обеих* в сочетании со словами муж. и жен. рода: *с обеих* с муж. р., с *меновших* с *обеих* (Курск) и *обоих пошлин* (Старый Оскол); форм страдательных причастий: *смолона* (Орел) и *вынета* (Елец) и т. д.

Приведенных примеров вполне достаточно для того, чтобы утверждать несомненный интерес изданных документов для изучения фонетики и морфологии русского языка в его южновеликорусской разновидности. Это изучение прольет свет на многие явления в истории нашего языка, до сих пор остававшиеся неизвестными. В этом несомненная заслуга издателей таможенных книг.

Изданная лингвистически точно, снабженная необходимыми указателями слов, личных имен и географических названий, рецензируемая книга представляет значительный вклад в современную историческую русистику и сыграет свою роль в изучении развития разных сторон русской языковой системы.

Иванов В. В.

ЛИТЕРАТУРА

1. Памятники южновеликорусского наречия. Отказные книги. М., 1977.
2. Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? — Полн. собр. соч., т. I, с. 153—154.
3. Котков С. И. Южновеликорусское наречие в XVII столетии (Фонетика и морфология). М., 1963.